

ПОНЯТИЕ «РУССКИЕ КЛАССИКИ» В КРИТИКЕ 1830–50-х гг.*

АЛЕКСЕЙ ВДОВИН

Механизмы формирования «классики» как особого феномена давно изучаются социологией литературы (см.: [Дубин, Зоркая]), и, с этой точки зрения, признание критикой, количество изданий, частота упоминания, индексация в учебных стандартах — именно эти показатели прямо влияют на признание автора классиком. Например, тексты Пушкина вошли в собрания образцовых сочинений и учебные книги в 1820 г. и с тех пор из них не исчезали. Между тем это отнюдь не означает, что поэт сразу же стал восприниматься как «классический». Здесь и возникает вопрос: когда в России появилось представление не просто об образцовых сочинениях разных авторов, а о своей, русской классике?

Утверждение любого представления, как правило, сопровождается закреплением за ним соответствующего понятия, которое отражается в первую очередь в словарях и литературной критике. На основании этих источников мы проследим, как в 1830–50-е гг. постепенно складывается представление о русской классике в современном нам значении слова.

В 1803 г. И. И. Мартынов сделал следующее примечание к одному из мест переведенного им трактата Лонгина «О высоком»:

Сколько бы при жизни писателя ни хвалили его произведения, это не может еще служить порукою за их превосходство. <...> Нет сомнения, что Ломоносов, несмотря на некоторые неисправности в языке и на восторги, вышедшие <...> из моды, равно как

---

* Статья написана при поддержке гранта ЭНФ № 8471 «Формирование русского литературного канона».

и Державин и Херасков **суть писатели всех веков** [Лонгин: 102–103; здесь и далее выделено нами. — *А. В.*].

Идея, выраженная Мартыновым, вполне соответствует современному представлению о непреходящей ценности лучших авторов. Однако переводчик обходится без слова «классический», которое, будучи заимствованием из французского [Будагов 1966: 448], до начала XIX в. не могло применяться к литературной современности. История понятия «классик» в западноевропейских традициях (см.: [Vozkamp]) показывает, что первоначально под «классическими» подразумевались лишь античные образцы. Такое толкование отразилось в Словаре Академии Российской:

Классический — говорится об одних токмо сочинителях, которых сочинения в училищах приемлются за образцы, достойные подражания. Аристотель, Омир, Цицерон Тит-Ливий и проч. суть классические писатели [САР: стлб. 591].

В конце XVIII в. конструирование национальных традиций привело к расширению семантики понятия. Теперь классиками могли называться и национальные авторы нового времени [Дубин, Зоркая: 19–21], и это значение, начиная с 1830-х гг. вплоть до конца XIX в., фиксируется всеми русскими словарями¹. Однако словарная кодификация и узус часто расходятся. Так, например, первые попытки применить слово «классический» к крупнейшим русским писателям XVIII в. относятся к концу 1800-х гг. Показательно, что произошло это еще до полемики между «классиками» и «романтиками», в ходе которой самоназвания приобрели оценочную коннотацию. Одну из первых попыток заявить о существовании русского писательского пантеона, причем именно «классических» авторов, представляет программная статья В. А. Жуковского «О критике (Письмо к издателям “Вестника Европы”» (1809). В ее фи-

¹ Ср.: «Классик — каждый из превосходных и писателей и художников как древних, так и новейших народов. *Гомер и Геродот, Апеллес и Рафаэль суть классики*» [СЦРЯ: 175]; ср. также [Углов: 122; Брудон, Михельсон 1885: 491].

нале прямо говорится о том, что у молодой русской словесности уже есть свои классики:

Критика может быть у нас *приготовлением* к хорошему. <...> чтобы познакомить нас с истинно прекрасным, пускай обращает наше внимание на произведения старых или давно уже известных **классических писателей наших**. В сочинениях **Ломоносова, Державина, Дмитриева, Карамзина** и еще некоторых новейших **найдутся образцы, довольно близкие к тому идеалу изящного**, который должен существовать в голове каждого критика [Жуковский: 224].

Через год Жуковский в статье «О сатире и сатирах Кантемира» (1810) добавит к этому списку «классического стихотворца России» Кантемира [Там же: 196]. В эти же годы поэт — как самостоятельно, так и в сотрудничестве с А. Ф. Воейковым и А. И. Тургеневым — выпускает антологии «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских...» (1810–15) и «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах / в прозе» (1815–17), сыгравшие огромную роль в канонизации отдельных текстов и авторов (см.: [Киселев: 6–9; Майофис: 534–537]).

Характерно, что появление подобных собраний и хрестоматий образцовых текстов катализило споры о составе «пантеона российских авторов». Сам Карамзин в одноименном издании (1802) не употреблял еще понятия «классический» и только в 1818 г. в «Речи, произнесенной на торжественном собрании Императорской Российской академии» назвал «истинно классическим» писателем одного Ломоносова [Карамзин: 234].

Эти примеры показывают, что критика 1800–1810-х гг. по аналогии с французской или немецкой литературой не боялась создавать своих классиков, в список которых попадали и живые действующие писатели (как Державин, Карамзин и Дмитриев у Жуковского). Однако к началу 1820-х гг. ситуация осложнилась появлением у понятия «классический/классик» еще одного значения: «так называют ревнителей старой литературной школы» [Полевой: 5]. После книги Ж. де Сталь «О Германии» оппозиция «классический vs. романтический» быстро распространилась в русской критике [Будагов 1971: 233].

Этапным текстом в этом отношении можно считать знаменитое предисловие П. А. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» — «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» (1824).

К началу 1830-х гг. война классиков и романтиков постепенно сошла на нет, но многозначность слова по-прежнему порождала путаницу. В 1837 г. Н. А. Полевой предпринял попытку упорядочить все его значения. Согласно критику, классики — это:

- 1) «<...> в древнем мире — граждане высшего класса».
- 2) «Греческие и римские авторы, изучаемые в эпоху Возрождения».
- 3) В третьем значении слово «классик, примененное к новейшему писателю, равняется уподоблению такого писателя Гомеру, Виргилию <...>. Данте, Тассо, Кальдерон, Шекспир, <...> Гете <...> и все те, которые в своих сочинениях соединили *высочайшие умственные достоинства с высочайшим Искусством слова*, — вот новейшие классики» [Полевой: 5].

Четвертое значение — оппозицию «классиков» и «романтиков» — Полевой решительно отмечает, поскольку в разговоре об образцовых писателях она лишь мешает².

Двусмысленность словосочетания «русские классики» в 1835 г. проявляется в объявлении «Журнала Министерства народного просвещения» о подписке на одноименную серию. Издатели поясняли, что под «русскими классиками» имеют в виду «наших писателей прошлого века» [Об издании: 250–51]. Знаменательно, что этот, судя по всему, первый публичный всплеск рефлексии над словосочетанием «русские классики» был вызван издательским предприятием М. А. Языкова, Г. В. Есипова и гр. Д. Н. Толстого-Знаменского. В 1836 г. в их серии «Русские классики» вышли четыре тетради сатир Кантемира. Планировалось издать сочинения Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Богдановича,

² В статьях Полевого между тем очень частотно выражение «русские классики» в этом последнем значении.

Хемницера, Фонвизина, Кострова, Княжнина, Муравьева³. На Кантемире, однако, серия пресеклась. Причины неуспеха инициаторы предвидели еще в программе издания. Они полагали, что отсутствие изданий «старинных писателей» совершенно не означает их недооценки в литературном мире. Это вина скорее неприспособленных издателей, нежели публики:

В самом деле, не много найдется охотников начать издание Классического писателя, бессмертная слава которого, кажется, сделалась исключительным достоянием **литературного мира без приложения его к обществу**. <...> Таковые издания, будучи всегда сопряжены с вероятною возможностью лишиться употребленных на них сумм, не могли у нас распространиться. Вот почему, желая пополнить в литературе нашей существенный недостаток, мы решились издать русских классиков, **сделавшихся уже собственностью публики** [Об издании: 251].

Но издатели ошиблись в своих расчетах: «собственностью» широкой публики авторы XVIII в. в тот момент еще не сделались. На это указал Н. Полевой, посвятивший «Сочинениям Кантемира» особую рецензию: «Спросите у книгопродавцев, — писал критик, — для чего не печатают они Ломоносова, Сумарокова, Княжнина: они вам будут отвечать: “<...> их не спрашивают”, то есть, их не читают. А что это значит? Без всякого заговора со стороны читателей, прежним писателям оставлено одно только историческое имя» [Полевой: 12].

Но Полевой изменил бы себе, если бы в истолковании непопулярности авторов, объявленных в серии «Русские классики», ограничился только экономическими выкладками. Корни проблемы, по его мнению, лежали гораздо глубже. Критик разграничивал феномен «современной известности» и «жизни в потомстве». Среди старинных русских авторов, по мысли Полевого, нет и не могло быть классиков, живущих в потомстве, потому что литература и уровень общественных установлений XVIII в. находились «во младенчестве», а период

---

³ Сам список авторов-классиков вызвал возражения. Я. Турунов в «Северной пчеле» недоумевал, как в него попал В. К. Тредиаковский (Северная пчела. 1836. № 64. 18 марта).

зрелости начался только в 1830-е гг. «Для создания и развития гения, — резюмировал Полевой, — надобны не одни только дары природы, но еще обстоятельства, известная степень общей образованности и национальной самобытности» [Полевой: 11]. Прогрессистская по своим основаниям, такая идея опиралась на концепцию самовозрастания народности. Критерий народности, в свою очередь, полностью определял уровень литературного совершенства и препятствовал признанию авторов XVIII века в качестве классиков. Классический «золотой век», в сознании Полевого, располагался в будущем. Единственным писателем, для которого он готов был сделать исключение, был Державин.

Пока категория народности в ее радикальном варианте доминировала среди критериев оценки, авторы XVIII в. едва ли могли быть признаны как классики. Считается, что Белинский был первым, кто утвердил привычный нам пантеон классических авторов. Однако не нужно напоминать, что к авторам XVIII в. у Белинского было неоднозначное отношение.

До тех пор, пока критик ставил во главу угла народность, его позиция почти полностью совпадала с концепцией Полевого, что легко прослеживается в статьях 1834–1838 гг. Когда на смену народности пришла гегелевская «художественность» (1839–1841), Белинский, с присущим ему радикализмом, изменил свое отношение к «ветеранам» — в худшую сторону. Вот образчик его приговоров 1840 г. из рецензии на полное собрание сочинений Ломоносова:

Творения Ломоносова имеют больше историческое, чем какое-нибудь другое достоинство: вот точка зрения, сообразно с которою должно издавать их. **Ломоносов не нужен публике; она не читает не только его, но даже и Державина**, который в тысячу раз больше его имеет прав на титул поэта [Белинский: III, 446].

Сочинения «ветеранов» не удовлетворяли современным требованиям немецкой эстетики. Особенно раздражало Белинского, как известно, сатирическое направление, которое он в тот момент пытался элиминировать из литературной истории. Таким образом, к текстам XVIII в., по теории Белинского, следо-

вало применять французский биографический метод, поскольку объекта для немецкого эстетического метода в них попросту не было.

Очередная перемена в понятиях Белинского середины 1840-х гг. принципиально не изменила его отношения к авторам XVIII в. Увлечшись социальными утопиями, он реабилитировал сатирическое направление, идущее от Кантемира, но к авторам уровня Державина отношение осталось прежним. Так, в статье 1843 г. «Сочинения Державина» Белинский заявил:

Читая стихотворения Державина, теперь уже почти **ничего не понимаешь в них без исторических нравоописательных комментариев** <...>. Язык, образ мыслей, чувства, интересы — **все, все чуждо нашему времени**... Но не умер Державин, так же, как не умер век, им прославленный: век Екатерины приготовил век Александра, приготовивший наш век [Белинский: VI, 7–8].

Державин важен здесь Белинскому только как подготовительный этап к современности, и в целом такая идея характеризует положение старинных авторов в концепции критика. В самом деле, сосредоточившись на строительстве пантеона наличных литературных деятелей, Белинский написал всего лишь одну монографическую статью о русских авторах до Пушкина — о Державине. В статье о сочинениях Фонвизина критик так и не добрался до ее предмета. Писатели XVIII в., которые должны были бы, на тот момент, составить русскую классику, в остальных статьях Белинского трактуются как явление историческое — не более как ступень, подготовившая последующее развитие. Это не вневременное наследие, а временный этап в длинной исторической цепи.

Характерно, что слово «классическое» Белинский употребил всего несколько раз, как синоним «образцовому сочинению»⁴. Ср. например, в шестой статье цикла о Пушкине:

⁴ В критике Белинского нередко встречается понятие «золотого века в литературе», тесно связанное с «классикой» и имевшее широкое хождение в первой трети XIX в. Однако интересную историю этого понятия мы оставляем в стороне, только указав на его соотносительность с интересующим нас феноменом.

Забавнее всего, что «Душенька» Богдановича была признаваема староверами за произведение **классическое**, то **есть такое, которое уже выдержало пробу времени и высокое достоинство** которого уже не подвержено никакому сомнению [Белинский: VI, 301]⁵.

К середине 1840-х гг., несмотря на крайности Белинского, в критике постепенно происходит осознание того факта, что современная литература достигла зрелости и что пришло время заняться изучением «русских классиков». Об этом пишет, например, Шевырев в 1843 г. в рецензии на хрестоматию А. Галахова, где призывает «устроить изучение *наших классических писателей* соответственно развитию нашей словесности» [Шевырев: 218]. Оказалось, однако, что ни текстов, ни материалов для биографии классиков в распоряжении читателей и исследователей не было. И здесь в истории «русской классики» снова появляется книгопродавец, чисто коммерческий проект которого вызвал второй всплеск обсуждения самой проблемы.

В 1845 г. А. Смирдину приходит идея издать, по образцу француза Ж. Шарпантье, серию «Полное собрание сочинений русских авторов», рассчитанную на массового читателя. Рубль серебром за том — такая «невероятная», по словам В. Майкова, дешевизна произвела фурор, а в названии самой серии критики стали менять слово «авторов» на «классиков», как, например, это проделал Достоевский в «Петербургской летописи» за 1847 г.⁶

С 1846 по 1856 гг. в серии было напечатано более 70 томов 35 русских авторов от Кантемира до Владимира Соллогуба, причем основную часть составили, конечно, сочинители XVIII – начала XIX столетия [Смирнов-Сокольский: 72–77].

⁵ Или там же: «Но то, видите ли, Ариост, писатель **классический**, которого слава уже утверждена была с лишком двумя столетиями: стало быть, к нему и к его славе уже привыкли».

⁶ «Осуществилось издание *русских классиков* Смирдина, которое увенчалось самым полным успехом и будет продолжаться безостановочно» [Достоевский: 26]. Ту же замену находим в статье Дудышкина «Русская литература в 1848 г.» [Дудышкин 1849: 3].

Сама идея «Полного собрания сочинений» оценивалась критикой как новация и прогресс в исторических и эстетических понятиях. В. Майков в рецензии на изданные П. Перелесским «Избранные сочинения Ломоносова» (1846) критиковал неполноту этого издания и противопоставлял «прежние понятия об избранном и образцовом» понятиям нынешним [Майков: 287]. «Современная теория изящного привела», по его мнению, к тому, что «сочинение “образцовое”, отрывок “образцовый”, как выражающие понятие о высшей мере литературного достоинства, уступили место сочинениям и отрывкам “избранным”» [Там же: 289]. Но и понятие об «избранных» сочинениях, по мнению Майкова, со времен хрестоматии Воейкова и Жуковского тоже существенно трансформировалось. Майков считал, что избранные сочинения теперь могут иметь место только в хрестоматиях; для основательного же знакомства и исторического изучения следует издавать «полное собрание сочинений».

Эту мысль Майкова можно интерпретировать так. Если в 1810–20-е гг. «образцовое» сочинение синекдохически представляло всего автора, который мог и не быть «образцовым», то в 1840-е присваивание статуса «классик» означало признание всего корпуса его текстов, поэтому важна именно идея «полноты собрания». Таким образом, понятия «образцовое сочинение» и «классическое» — два последовательных этапа в развитии одного и того же представления.

Том за томом смирдинская серия давала критикам повод обсуждать проблему классического фонда, и в этих статьях в конце 1840-х – начале 1850-х гг. окончательно кристаллизовалась идея «русской классики» применительно к XVIII в. Происходило это главным образом в статьях двух критиков — С. С. Дудышкина и А. В. Дружинина, на что указала в недавней работе Г. В. Зыкова [Зыкова: 126–134]. Однако, по сути, утверждение идеи классического шло у них двумя совершенно разными путями, которые соотносятся с двумя механизмами интерпретации классики. Б. В. Дубин предлагает различать два ее крайних полюса: 1) выяснение того, что текст значил для автора и его лучших читателей, и 2) адаптацию, т.е. когда

писатель мыслится как современник интерпретатора, что открывает путь к более вольным трактовкам [Дубин, Зоркая: 31–32]. Дудышкина и Дружинина можно рассматривать как ярких представителей соответственно первого и второго подходов.

Исходная посылка у обоих критиков была одна — ревизия наследия Белинского. После его смерти многие критики прокламировали отказ от прежних догматических теорий и эстетических «систем», тормозивших, по их разумению, развитие критической и, главное, писательской мысли. Взамен их Дудышкин, Галахов, Гаевский и др. реанимировали метод «исторической критики», которая занялась собиранием и систематизацией наследия «классических русских авторов» — от Кантемира до Пушкина.

В первой программной статье 1848 г. о смирдинской серии Дудышкин строго разграничил художественную и историческую критику. Первая привела к тому, что «например, Ломоносов, как художник, занимает чрезвычайно незавидное место в нашей литературе; между тем как тот же Ломоносов, как литератор, как человек, действовавший на современное ему общество, <...> — бесспорно есть один из самых больших деятелей в нашей литературе» [Дудышкин 1848: 4]. Здесь же Дудышкин называет крупнейших писателей XVIII в. *классиками* и призывает вернуть им законное место в истории русской литературы. Через год, расхваливая книгу Вяземского о Фонвизине, Дудышкин приглашал «писать биографии других *наших классиков*» [Дудышкин 1849: 18].

К середине 1850-х гг. Дудышкин приходит к мысли об историчности каждой эстетической категории. Критика 1830–40-х гг., как он полагал, заездила «три коня» — народность, художественность и пафос. Многие, по мнению Дудышкина, до сих пор «разъезжают на этих конях» (намек на А. Григорьева). Но суть в том, что каждое из этих абстрактных начал отменяло предыдущее. «Такова судьба систем, — резюмировал критик, — романтизм уничтожил классицизм, потом народность — романтизм, потом художественность — народность <...>. Это ожесточенное действие систем теперь прекра-

тилось благодаря действию исторической критики» [Дудышкин 1855: 36].

«Историческая критика», в понимании Дудышкина, — это направление в критике, начавшееся с 1848 г. и коснувшееся не только XVIII в., но и авторов пушкинской эпохи, тексты и материалы для биографии которых в 1850-е гг. печатаются на страницах толстых журналов с завидной частотой. Прорыв сквозь нормативные категории к текстам и источникам, как считал Дудышкин, дал возможность оценить тех авторов, в которых раньше «из-за систем» не видели ничего нового. Критик был убежден, что это освобождение от догм в конечном итоге позволило собрать и издать материалы для биографии Пушкина и Гоголя. Причем Дудышкин видит в этом не просто соби- рание ради собирания, а (абстрагируясь от Пушкина и Гоголя) факт осознания «равновеличия» «и Мольера, и Байрона, и Шиллера и Шекспира — крайност[ей], которые не хотела при- знать ни одна из предшествующих систем» [Там же].

Таким образом, цель исторической критики Дудышкина заключалась в детальном погружении в эпоху и биографию ав- торов. С помощью этих процедур сочинитель должен был пред- стать как бы заново открытым, живым и, следовательно, вызвать «общечеловеческую», как выражался Дудышкин, симпатию.

А. Дружинин практиковал противоположный метод, кото- рый ближе всего к адаптации, т.е. стиранию временной грани- цы между автором и интерпретатором. Свое представление о статусе классических текстов Дружинин вырабатывал в пер- вой половине 1850-х гг. на материале горячо им любимой ан- глийской литературы. В цикле статей «Галерея замечательней- ших романов» он убеждал читателя в необходимости прочесть лучшие образцы британской прозы — Ричардсона, Голдсмита, Крабба, Смоллета.

Дружинин неоднократно писал о том, что, в отличие от ав- торов преамбул к собраниям сочинений, ненавидит погружать текст в сеть общественных отношений (ср.: [Дружинин 1850a: 8; Дружинин 1850b: 79]). Взамен этого он побуждал критиков «забыть свою личность и свои убеждения, затем, чтобы на не- которое время жить жизнью автора» [Дружинин 1850b: 79], и

понять, наконец, почему его произведение навсегда останется образцовым [Дружинин 1850а: 3]. Причины этого коренятся, естественно, в художественных достоинствах текста, которые Дружинин назвал «артистическим началом». Оно обладает вневременными свойствами и обеспечивает вечный интерес к подлинным поэтическим произведениям. Эта концепция позволяла Дружинину проводить совершенно неожиданные параллели между текстами разных эпох и народов. Так, в 1855 г. критик рассказывал читателям, что едва известный тогда в России Георг Крабб задолго до Гоголя и натуральной школы открыл сферу «прозаической действительности», а русским писателям прямо рекомендовалось «учиться у Крабба» [Дружинин 1865: 366]. Смысл этих типологических параллелей заключается, по мысли критика, в следующем: «добро, правда и художественность одинаковы во всех веках и у всех народов» [Там же].

В 1856 г. Дружинин попробовал приложить свои размышления о вечно актуальных текстах к русским сочинениям. В программной статье «Критика гоголевского периода литературы и наши к ней отношения», размышляя о Белинском, Дружинин увидел главное достижение его критики в установлении новой модели отношений между современными и старыми писателями. Современные авторы при Белинском перестали постоянно сравниваться со старыми, что позволило организовать наличный литературный пантеон. Это, по мысли Дружинина, означало, что «величие современников перестало вредить славе учителей» [Дружинин 1983: 135]. Иными словами, Белинский произвел искусственную, но необходимую «консервацию» авторов прошедшего века.

Однако самое главное достижение Дружинина в этой статье — в том, что он, не употребляя слова «классик», обновил значение этого понятия, отказавшись от старых определений, основанных на идее образцовости. Вот как охарактеризован Гоголь в его статье:

Гений Гоголя был богат истинами **вечными**, истинами **не зависящими от взглядов известного поколения, истинами, никогда не преходящими**, как всякая настоящая поэзия. <...> Гоголь ве-

чен, потому что поэзия, которой он служит, имеет **вечное начало**, неразрывное со всеми ее проявлениями [Дружинин 1983: 168].

Помимо элементов «артистической» теории, мы находим здесь словосочетания «вечные истины» и «непреходящие ценности», связанные с толкованием понятия «классик», представленном в знаменитой статье Сент-Бева «Что такое классик?» (1850). Напомним, что мэтр французской критики, отказываясь от узкого значения понятия через соотнесение с образцами, нормами и образовательной системой, существенно расширил его трактовку:

Истинный классик <...> — это тот писатель, который **обогастил дух человеческий**, который и в самом деле внес **нечто ценное** в его сокровищницу, заставил его **шагнуть вперед**, открыл какую-нибудь **несомненную нравственную истину** [Сент-Бев: 313].

Вполне возможно, что Дружинин мог читать эту статью Сент-Бева, с творчеством которого был основательно знаком, о чем говорит подробный реферат «Литературных портретов» в дружининской статье 1850 г. «О современной критике во Франции» (Современник. 1850. Т. 24. № 11. Отд. II. Гл. 3). Не настаивая, впрочем, на прямой генетической связи, подчеркнем удачную и почти совпавшую по времени попытку французского и русского критиков расширить привычные представления о классических авторах.

Хотя Дружинин и Дудышкин двигались противоположными путями в обосновании идеи вневременной ценности авторов, их подходы, конфликтующие в теории, в итоге совпали. Главную свою цель оба критика видели в освобождении от догматических теорий своих предшественников, подчеркивая относительную ценность их методологии.

Утверждение «исторической критики» в качестве самого распространенного метода конца 1840 – нач. 1850-х гг. ускорило окончательное признание «русскими классиками» наиболее значительных писателей XVIII – нач. XIX вв. и подготовило канонизацию пушкинской эпохи. Пушкин и Гоголь появятся в словарных статьях о классике только к концу XIX в. Так, в «Энциклопедическом словаре Ф. Павленкова», первое

издание которого (1899 г.) перепечатывалось вплоть до 1917 г., говорилось: «Классики — лучшие, образцовые писатели вообще (например, русские классики: Пушкин, Гоголь и др.)» [Павленков: стлб. 984]. В действительности же эти авторы приобрели такой статус уже в конце 1850-х гг.

Изучение истории любого понятия в литературной критике невозможно, как мы пытались показать, без учета прагматических, методологических и идеологических установок конкретных критиков. В этом смысле изменения в представлениях о критериях «классики» отражают те «сдвиги», которые происходили в эволюции эстетических категорий и методологии русской критики на протяжении первой половины XIX в.

Во время утверждения национальной литературной традиции, в условиях дефицита «русских Гомеров и Дантов», основной стратегией русской критики 1800–1840-х гг. становится признание «классиками» не только и не столько основателей отечественной литературы (Ломоносова и др.), а, напротив, современных, живых авторов. В критике 1800–1810-х гг. подобная стратегия полностью согласуется с вневременными критериями вкуса и жанра, а также с доминирующим тогда представлением об устройстве литературной системы как о пантеоне или Олимпе великих гениев всех времен и народов (см.: [Мазур]).

«Романтическая» критика 1820–30-х гг., основанная на идеях историзма, биографизма и самовозрастания народности, казалось бы, радикально порывает с прежними представлениями о классике. Бывшие авторитеты — «старинные писатели» — подвергаются суровой критике как не соответствующие новым критериями. За счет их принижения выдвигаются современные авторы, творчество которых свидетельствует о зрелости нации и литературы. Такие стратегии, как заметил еще А. В. Дружинин, обнаруживаются в критике Полевого и Белинского.

В 1840-е гг. происходит очередное обновление идей и методологии, которое приводит к реставрации «старых классиков» и одновременно к окончательной кристаллизации представления о сущности самого феномена.

Таким образом, было бы рискованно утверждать, что эволюция представления о «классических авторах» в русской критике представляет собой «прямую линию» постепенного становления понятия. Правильнее говорить, скорее, о постоянно изменяющейся системе отношений между современными авторами и литературными деятелями минувших эпох в восприятии критиков. Ведь речь все время идет не просто об истории слова⁷, но о функциональной роли самого феномена, связанного со многими смежными представлениями (например, «гения», «иерархии», «главы литературы») и «встроенного» в литературную и социальную систему. Изучение этого взаимодействия в русской литературе XIX в. еще впереди⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Бёдекер: *Бёдекер Х. Э.* Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. статей / Под ред. Х. Э. Бёдекера. М., 2010.
- Белинский: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982.
- Брудон, Михельсон 1885: *Брудон И. Ф., Михельсон А. Д.* Объяснительный словарь 115 000 иностр. слов, вошедших в употребление в рус. яз. СПб., 1885.
- Будагов 1966: *Будагов Р. А.* Из истории семантики прилагательного «классический» // XVIII век. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. Л., 1966.

⁷ Если исходить из терминологии «истории понятий» Р. Козеллека, то лексема «классик/классика» принадлежит вовсе не к понятиям в строгом смысле, а к «словам». Козеллек противопоставлял т.н. «слова» и «понятия»: «слова» всегда полны смысловых возможностей; «понятия», напротив, уже несут в себе смысловую полноту. Значения слов могут быть точно определены, тогда как понятия можно только интерпретировать (см.: [Koselleck: 84–86; Бёдекер: 42]). Это помогает понять, почему представление и идея «классики» может функционировать вне связи с конкретным словом.

⁸ Пользуемся возможностью выразить признательность А. Ю. Балакину, М. Б. Велижеву, В. А. Мильчиной и К. А. Осповату за полезные советы и замечания.

- Будагов 1971: *Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М., 1971.
- Достоевский: *Достоевский Ф. М.* Петербургская летопись // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л., 1988. Т. II.
- Дружинин 1850а: *Дружинин А. В.* Галерея замечательнейших романов. «Кларисса Гарлов» Ричардсона // Современник. 1850. Т. 19. № 1. Отд. IV.
- Дружинин 1850б: *Дружинин А. В.* «Векфильдский священник» Голдсмита // Современник. 1850. Т. 19. № 2. Отд. IV.
- Дружинин 1983: *Дружинин А. В.* Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения // Дружинин А. В. Литературная критика. М., 1983.
- Дружинин 1865: *Дружинин А. В.* Георг Крабб и его произведения // Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. IV.
- Дубин, Зоркая: *Дубин Б. В., Зоркая Н. А.* Идея «классики» и ее социальные функции // Дубин Б. В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. Сб. статей. М., 2010.
- Дудышкин 1848: *Дудышкин С. С.* Сочинения Кантемира (Полн. собр. соч. рус. авторов) // Современник. 1848. № 11. Отд. 3.
- Дудышкин 1849: *Дудышкин С. С.* Русская литература в 1848 году // Отечественные записки. 1849. № 1. Отд. V.
- Дудышкин 1855: *Дудышкин С. С.* О журнальной полемике, о критике, о напаках на нее, и доброе слово в ее защиту // Отечественные записки. 1855. № 10. Отд. IV.
- Жуковский: *Жуковский В. А.* Эстетика и критика. М., 1985.
- Зыкова: *Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала 1830–1870-х гг. М., 2005.
- Карамзин: *Карамзин Н. М.* Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. II.
- Киселев: *Киселев В. С.* «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе» и альманахи-антологии начала XIX в. // Русская литература. 2008. № 2.
- Лонгин: *Лонгин Дионисий.* О Высоком, или Величественном / Пер. И. И. Мартынова. СПб., 1803.
- Мазур: *Мазур Н. Н.* Пушкин и «московские юноши»: Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Мат. и иссл. / Под ред. Дэвида М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина и др. М., 2001.

- Майков: *Майков В. Н.* Собрание сочинений известнейших русских писателей. Вып. 1. М., 1846 // Майков В. Н. Литературная критика. Л., 1985.
- Майофис: *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008.
- Об издании русских классиков // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Т. 8. № 10.
- Павленков: Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. 5-е стереотипное изд. СПб., 1913.
- Полевой: *Полевой Н. А.* «Русские классики». Сочинения кн. Кантемира. СПб., 1836 // Библиотека для чтения. 1837. Т. 24. № 9.
- САР: Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. 3.
- Сент-Бев: *Сент-Бев Ш.* Литературные портреты. Критические очерки. М., 1970.
- Смирнов-Сокольский: *Смирнов-Сокольский Н.* Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 1957.
- СЦРЯ: Словарь церковно-славянского и русского языка / Сост. вторым отделением Имп. Академии наук. СПб., 1847. Т. 2.
- Углов: *Углов В. Н.* Объяснительный словарь иностранных слов употребляемых в русском языке. СПб., 1860. Изд. 2-е.
- Шевырев: *Шевырев С. П.* Полная русская хрестоматия... Сост. А. Галахов // Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 5.
- Koselleck: *Koselleck R.* Futures Past: On the Semantics of Historical Time. New York: Columbia University Press, 2004.
- Voßkamp: *Voßkamp W.* Klassisch / Klassik / Klassizismus // Ästhetische Grundbegriffe: historisches Wörterbuch in sieben Bänden / Hrsg. von Karlheinz Barck. Stuttgart; Weimar, 2000. Bd 3.